

Революционная Bewegung im Fernen Osten: Wladiwostok 1925, ss. 12-13, 26-41.

darunter:

Tscheerjak W.R. - в/н den vergangenen Jahren 1905/1906.
Revolutionäre Bewegung im Fernen Osten, ss. 13, 26-31

OKUNZOW, M.K., Revolutionäre Offiziers Gesellschaft
1905/1906 in Tschita, ss. 38-41

W 125
168

~~269~~

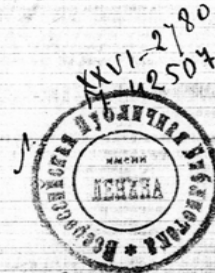
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Дальне-Восточная Краевая Комиссия по организации юбилея
20-ти летия 1905 года и Истпартотдел Дальбюро ЦК РКП (б).

- 1905 -

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

12/1-327.К.

ВЛАДИВОСТОК
1925

Выпуская в свет сборник, описывающий 1905 год на Дальнем Востоке, все же приходится сказать, что полных материалов о работе нашей партии мы не имеем; например, во Владивостоке сохранились только судебные дела, а на них особенно полагаться нельзя, ибо в них все фиксировалось так, как было желательно царским генералам, и вполне естественно, что по этим материалам роль партии в военном восстании затушевана. Других материалов крайне мало, живых же участников, видимо, не осталось, а без них весьма трудно осветить те моменты партийной жизни, которые не стали достоянием гласности, т.-е. не отразились в листовках и резолюциях митингов, с одной стороны, и с другой — не отложились в политических процессах, дающих материал справочного характера.

Местные же книгохранилища и архивные фонды жестоко пострадали в период гражданской войны и до сих пор еще не приведены в полную известность. Много материалов безусловно погибло, так как неистовствующая атамановщина и интервенция их расхитила и уничтожила.

Не претендуя на исчерпывающую полноту освещения событий 1905 года, мы все же полагаем, что кирпич в здание истории партии нами уже положен. Кроме того, нужно сказать, что мы не можем полностью восстановить имена тех, кто отдал жизнь свою за рабочее дело, ибо в поездах карателей много рабочих нашло трагическую смерть, умирая от пыток, под рукою царских палачей без всякого суда...

Отмечая 20-ю годовщину великого движения рабочего класса по пути к завоеванию коммунизма, хочется сказать, перефразируя А р н у, — «Шапки долой, мы говорим о мертвецах 1905 года, заложивших фундамент Союза Советских Социалистических Республик», ибо кровь трудящихся, пролитая в 1905 году, как цемент, спаяла лучших представителей пролетариата и крестьянства в Российскую Коммунистическую партию, которая, учитывая опыт прошлого, ведет пролетариат в союз с крестьянством к царству социализма.

В годы прошлого.

I.

В золотые дни прекрасной Забайкальской осени 1903 года я приехал в Читу семнадцатилетним юношей. В доме своего родственника (богатого дядюшки) я познакомился с сестрой, теперь уже погибшей, дорогого товарища, стойкого, талантливого борца за рабочее дело — Хаима Г о б е р н и к а.

На долю этого редкого из людей выпала тяжелая участь пройти весь поход, который совершили революционные массы в продолжение двадцати слишком лет, и погибнуть в 1920 году от сыпняка по дороге в Москву, куда, как мне передавали, он ежал на Съезд Советов, в качестве делегата от читинских рабочих.

Чита — родной город Хаима Гоберника. Он окончил Читинское Ремесленное училище, поступил в Читинские механические мастерские — тогда еще Забайкальской ж. д. — мастерским, где и начал славные дни своей революционной работы. Во все моменты он неизменно оставался в рабочей среде, ведя революционную пропаганду, выступая на рабочих собраниях, руководя всей борьбой рабочих за улучшение условий труда и т. д. По своей одаренности этот человек мог бы в короткий период получить необходимое образование, очутиться наверху общественной лестницы. Но несмотря на настояния своих родственников, даже многих из партийных товарищей, Хаим не ушел из рабочей среды и до последнего момента жизни остался весь только в революции, в служении делу борьбы пролетариата, и умер смертью героя на своем славном, ответственном посту, верным основным идеалам революции, которыми пылала его многокрылая душа.

Вот к этому-то человеку (тогда тоже еще юноше) привела меня его сестра (шестнадцатилетняя гимназистка).

Перед этими уже в полной мере сложившимися революционерами, прочитавшими уйму запрещенных и незапрещенных книг, много передумавшими по непосредственным вопросам революции и общественного движения, — я предстал не только политически, но, как потом выяснилось, и во-

тий, не знал бы, что «пришла революция», после которой в России не будет царя, а наступит какая-то республика.

Эта «осведомленность», особенно среди старших возрастов читинского населения, не всегда, впрочем, могла расцениваться, как явление положительного порядка. После того, как в неустанной работе по уяснению широким массам значения революции, пришлось столкнуться с глухой стеной самого дикого невежества, только в эти страданные дни сознание начинало постигать, какими причудливыми узорами в понимании масс отложились разные представления из всего того, что вдруг им принесли новые дни.

Революция, например, понималась, как полный произвол, т. е. право каждого насколько не считаться с какими-либо вопросами общественно-полезного. Отсюда у большинства — не только боязнь, но некоторое неприятие революции, хотя от царя почти все хотели поскорее избавиться, т. к. его правительство всем принесло много бед и несчастий.

И вот эту-то каторжную работу очищения сознаний от злокачественной плесени невежества целиком вынесла на своих плечах читинская организация Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Влияние эс-эровской работы, несмотря на множество сказанных громких слов о черноземной силе, в эту пору совсем не чувствовалось. В то время, как с.-демократы изнемогали от недостатка сил справиться с задачами управления и организации масс, эс-эры продолжали жить своим типично интеллигентским разглагольствованием о земельной программе, на все лады спорили чуть ли не до потери сознания о своей социализации, славословили героизм своих предков, но сами уж и в это время были мало достойными потомками своих славных отцов.

Время между тем мчалось с неумолимой быстротой. События делали резкий поворот. Реакция все больше и больше поднимала голову. Насколько сильно и мощно революция поднималась, крепла и развивалась на почве неудач и бедствий, приносимых войной, настолько же ее кривая делает катастрофическое падение с момента окончания войны. Газеты стали приносить известия о понесенных пролетариатом России поражениях, о наступившей полосе зверских расправ с рабочими и учащейся молодежью. Монархисты (буржуазия и помещики) быстро организовались в так называемый «Союз Русского Народа», который в ряде городов Центральной России и на Кавказе повел широкую травлю против иноверческих народностей, населяющих разные мест-

ности страны. Темные обнищавшие массы крестьян и бродячий элемент городов организовывались этим «Союзом» в черные сотни и призывались к избиению евреев, поляков, армян и др. народностей. По всей России прокатилась волна бешеных еврейских погромов. Происходили беспощадные избиения интеллигенции и учащейся молодежи; в Западном крае подверглись сильным преследованиям поляки, на Кавказе шла жестокая резня армянского населения.

Наступал решительный момент борьбы, но в гуле происходящих битв явственно чувствовалось, как силы пролетариата и революционной интеллигенции все больше и больше слабеют.

Войска вновь приходили в повиновение своим прежним повелителям, а двигавшиеся с Востока на родину измученные войной солдатские массы хотели только одного — поскорее прорваться на родину. На почве этих желаний офицерство и чиновники вели среди солдат усиленную агитацию, указывая несознательным солдатским массам на то, что можно было бы уже давно забыть о всех бедах войны, попасть на родину, если бы рабочие прекратили забастовку.

Трагедия создавшегося для революционных сил положения заключалась в том, что отказ от царившего по всей линии железной дороги забастовочного движения был равен потере последних боевых позиций, но, вместе с тем, при ненормальном состоянии железнодорожного транспорта, не представлялось возможным быстро продвинуть вглубь страны возвращавшиеся с войны воинские эшелоны.

Для усмирения восставших рабочих и крестьян на Восток была командирована царским правительством карательная экспедиция под предводительством одного из свирепейших царских опричников — Меллера-Закомельского. Этот палач в Забайкалье начал свою расправу с Верхнеудинска, вешая и расстреливая первых попадавших на глаза рабочих, телеграфистов, учащихся или почтовиков, которые считались главными зачинщиками революции.

С Востока в это время двигался на Читку не менее кровавадный генерал Рененкамф. По мере движения его поезда, на всех станциях творилась самая жестокая расправа. Людей хватали и тут же, без суда и следствия, пытали, вешали и расстреливали.

Чита, таким образом, попадала в кольцо двух озверевших палачей. Читинские рабочие, представлявшие единственный надежный кадр революционных сил, конечно, не могли оказать серьезного сопротивления наседавшим воин-

ским частям. Тем не менее, рабочие решили не сдаваться и, если явится возможным, вступить и в эту неравную борьбу. Под руководством Читинской организации Р. С.-Д. Р. П. шла лихорадочная подготовка к боевым действиям.

Первой жертвой читинских палачей оказался рабочий механических мастерских, тов. Кисельников. Он без всякого к тому повода был убит офицером читинского гарнизона Шпилевским.

Это подлое убийство вызвало сильнейшее возмущение рабочих. Комитету организации стоило больших усилий удержать рабочих от преждевременного выступления, которое, конечно, принесло бы еще много ненужных жертв.

Через несколько дней были назначены похороны тов. Кисельникова.

Траурная процессия, шедшая за гробом, явилась свидетельством такого единодушия народных масс, что читинские палачи вновь сильно перетрусили и не решились предпринять каких-либо мер, за исключением незначительного столкновения учащейся молодежи с казаками.

Учащиеся, собравшись на базарной площади, двинулись на вокзал, чтобы присоединиться к рабочим. На половине пути между Читой Первой и Второй их встретил со своей сотней казаков офицер Беспалов. Видимо, имея приказ действовать осторожно, он обратился к молодежи с елейным воззванием. — «Дети, пожалуйста, разойдитесь... Бог знает, что может случиться там»... И он, держа в руке нагайку, указал на Читую Вторую, куда со всех сторон толпами стремились люди, чтобы соединиться с рабочими.

Но слова бандита были покрыты проклятиями возмущенных голосов. Гимназисты бросились вперед и, расстилая шинели, кричали: «Стреляй, палач, мы идем умереть вместе с рабочими»...

В казаков посыпались камни. Злополучный офицер, забыв про свои ораторские таланты, скомандовал: «Кругом...» и умчался со своей сотней.

Восторг молодежи не поддавался описанию. Ребята, как обезумевшие, хохотали от сладости пережитой победы... Но это ликование оказалось недолговременным. Сотник Беспалов, видимо, оскорбленный в своих «лучших чувствах», решил наказать непокорных детей. Отскочив сажень с полсотни, он вновь повернул своих удальцов и, скомандовав: «В нагайки» — бросился на учеников в конном строю.

Решимость и стойкость маленькой, человек в пятьдесят, группы молодежи, совершенно безоружной, является

одной из славных страниц того подвижничества, которым богаты дни борьбы 1905 года.

Кто-то крикнул: «Ребята, ни с места... Ошибется, мерзавец»...

Кучка юнцов, тесно примкнув друг к другу, застыла в немом ожидании. Даже ни одна из гимназисток не бросилась в сторону. Все, как один, точно спаянные раздавшейся командой, стояли на своих местах, подбирая в руки побольше камней.

Мерзавец действительно ошибся. Стойкость молодежи, повидимому, смутила даже выдавших виды забайкальских казаков.

Они подскакали вплотную, круто осадил лошадей, взмахнули нагайками, но решились применить их только после того, как офицер Беспалов, войдя в боевой азарт, несколько раз повторил требование приступить к избиванию и скверно выругался.

Посыпались удары нагаек. В ответ полетели камни. Должно быть, несколько увесистых булыжников восстановили воинственный дух казаков, — они стали сильнее наступать лошадьми. Ребятам было приказано бежать на жел.-дорожную насыпь.

В одно мгновение ребята взлетели на высокую насыпь, очутившись в сфере полной недосыгаемости для нагаек, т. к. казачьи лошади не шли на откос. Беспалов бесился от злобы, а молодежь, упоенная схваткой, издевалась над «христолюбивым воинством», заклеившим себя позором дикой расправы с детьми.

Сотнику Беспалову ничего не оставалось, как убраться прочь со своей сотней, а молодежь беспрепятственно направилась на Дальний вокзал.

Над головами высоко взвился красный флаг. Вслед уходящей сотне казаков громко неслись мощные звуки марсельезы...

За гробом тов. Кисельникова шло все население Читы. Порядок охранялся цепью вооруженных рабочих. На улицах не было видно ни одного городского.

После смерти тов. Кисельникова для революционных сил Читы наступил наиболее напряженный период подготовки к боевым действиям. Всюду стали распространяться слухи, что читинская полиция, имея в виду использовать находящихся на постройке казарм в дер. Степановке плотников, предполагает устроить кровавую расправу с еврейским населением и учащейся молодежью. Силами рабочих

и учащейся молодежи, под руководством комитета Читинской организации Р. С.-Д. Р. П. немедленно была создана хорошо вооруженная и даже достаточно умевшая владеть оружием оборона.

Буржуазия Читы, особенно еврейская часть купечества, помогла денежными средствами, доставкой лошадей и частью оружием. Остальное оружие было добыто из вагонов, направлявшихся мимо Читы с оружием, ввиду окончившихся военных действий.

Благодаря энергично принятым мерам, в очень короткий срок была создана крепкая, хотя и не совсем значительная по своему составу, боевая дружина, или организация «самообороны», как ее тогда называли. Именно на эту боевую ячейку, главным образом, ее рабочую часть, можно было рассчитывать в тех боевых действиях, которые пришлось бы вести с погромщиками и все ближе и ближе подъезжавшими к Чите со своими карательными экспедициями — генералами Рененкампом и Меллер-Закомельским.

На погромщиков и полицию эта боевая дружина произвела вполне серьезное впечатление, и до погромов в Чите дело не дошло, хотя по всей России, и даже в Томске, избивание интеллигенции и евреев было явлением, не прекращавшимся на протяжении всего периода революции 1905 года.

Зато борьба и отражение натиска наседавших на Читю генералов — оказались делом значительно более серьезным.

Следует сказать, что это наседание произошло уже в тот период, когда революционный подъем не только среди широких масс населения, но даже и рабочих, значительно понизился. После подавления революционного натиска в большинстве российских городов, после зверской расправы с железнодорожниками в Томске, подавления революционного движения в Красноярске, — в Чите уже нельзя было рассчитывать на возможность противопоставления Рененкампу или Меллеру-Закомельскому сколько-нибудь серьезного сопротивления.

Идея боевого столкновения с карательными экспедициями, тем не менее, не была оставлена. Но предварительные счеты с Рененкампом было решено свести на Ононском мосту, где, в зависимости от обстоятельств, было решено поезд, в котором следовал Рененкамф, — взорвать.

Задание было поручено пяти товарищам, которым, однако, не удалось выполнить намеченной операции, и они возвратились в Читю безрезультатно.

Вступить в бой на улицах Читы с прибывшими в город воинскими частями Рененкампа совершенно не представлялось возможным, ибо соотношение сил было слишком различно. С одной стороны вполне подчиняющиеся своему начальству, вооруженные винтовками и пулеметами, хорошо обученные воинские части, — с другой — горсточка слабо вооруженных людей.

При таком положении нельзя было и думать о вступлении в открытый бой.

Через несколько дней после занятия города войсками, в Читю прибыл также и генерал Рененкамф, который немедленно же обратился с требованием ко всему населению сдать оружие.

По городу начались массовые обыски. Очередь, наконец, дошла и до механических мастерских, где было выгружено несколько вагонов винтовок и др. оружия.

Этот пункт решено было без боя не отдавать. Но в последнюю ночь, когда на мастерские готовился налет рененкамповских солдат, на призыв оказать вооруженное сопротивление, собралось незначительное количество рабочих. Этот факт явился последним доказательством того, что массы, терроризованные воинскими частями, поддались панике и на дальнейшее, тем более открытое сопротивление, были не способны.

Собравшуюся дружину, человек в 50, было решено распустить. Оружие наспех закапывалось в землю, работа по ликвидации имущества и литературы была распределена между отдельными товарищами. Наиболее активному элементу было предложено в эту же ночь покинуть город.

К сожалению, уехать удалось не всем. В руках палачей остались товарищи: К о с т ю ш к о - В а л ю ж а н и ч, С т о л я р о в, В а й н ш т е й н и Ц у к с м а н.

Все они были арестованы по приказу Рененкампа недалеко от города. Читинцы хорошо помнят эту подлую расправу, а место, где закончили свою жизнь славные революционеры, ждет достойного памятника.

На станции «Оловянная».

(Воспоминание участницы).

В момент пробуждения рабочего класса в центре России и следующей затем кровавой расправы 9/22 января 1905 года в Ленинграде, мне довелось проживать в далекой Забайкальской области на одной из ее станций, под названием «Оловянная».

При станции имелось железнодорожное депо, и большинство ее окрестного населения состояло из рабочих; остальную ее часть составляли туземцы той местности и налетевшие туда, для наживы во время войны, торгаша. После объявления манифеста 17-го октября, на железной дороге власть целиком перешла в руки рабочих. Руководящим партийным центром там являлся город Чита, откуда партийные товарищи на ст. Оловянной и получали все задания.

Три месяца тогда Забайкалье жило, по тому времени, в «царстве социализма», — митинги, собрания, общественные суды над бывшими эксплуататорами.

Наша маленькая группа партийцев, в числе 6—7 человек, старалась во всю воспользоваться теми свободами, которые были так сказать «провозглашены» манифестом 17-го октября. К этому моменту недовольство фронтовиков — участников японской войны, достигло крайних пределов на почве продолжительной войны.

Но вот был заключен мир, и началась отправка солдат по домам. Дорога находилась в руках стачечного комитета, руководимого железнодорожными рабочими депо «Оловянная», во главе которого стояли: 1) фельдшер приемного пункта станции Николай Афанасьевич Петров (где он в данное время — мне неизвестно, по слухам — погиб в Петрограде на студенческой встрече нового года в 1906—7 году на В. О.); 2) Рахиль Измайловна Альберт-Магит — фельдшерница-акушерка железнодорожной больницы; 3) Лев Бржезинский — слесарь депо; 4) Гаврелюк — токарь депо; 5) Токарев Николай Иванович — токарь депо; 6) Кузнецов Тимофей Петрович — слесарь депо; 7) Рыжков Федор — слесарь депо и пишущая эти строки. Все перечисленные товарищи принадлежали к с.-д. партии;

кроме них, принимали участие в стачке два брата эс-эра Дергачевские, оба слесаря депо. (О названных товарищах эс-эрах вспоминаю, как о светлых личностях, не похожих на эс-эров 1917—21 годов).

Но реакция не дремала, она готовила расправу с рабочими и в Сибири.

На станции Оловянная организовалась маленькая группа «черной сотни» из железнодорожных чиновников, как-то: начальника станции Кузнецова, начальника депо Фурсевича и др. Свою черносотенную работу они начали с задержек солдат, следовавших с фронта через нашу станцию, взваливая вину на забастовщиков, которые будто бы не хотят работать. Солдаты умышленно задерживались ими на станциях, не производилось кормежки на питательных пунктах, — словом, производилось искусственное натравливание солдат на рабочих депо.

Однажды, вследствие этой травли, солдаты ворвались в депо, заявляя, что им сказали, будто бы здесь рабочие бастуют, а потому их не отправляют дальше за неимением паровоза. В результате чуть было не произошло схватки между рабочими и солдатами, но после выяснения вопроса, последние, возвратясь на станцию, побили начальника станции Кузнецова, избив его во лжи.

Рабочие, видя такую провокацию со стороны начальства службы движения, решили поставить своего товарища на станцию, дежурным по отправке воинских эшелонов. Также ими было установлено дежурство днем и ночью по депо и, насколько мне помнится, взамен двух пар воинских поездов стали пропускать от 8-ми до 10-ти. Словом, стачком был полным хозяином; в первую голову, по заданию партийной организации Читы, он тогда освободил и отправил из Акатуйской каторги в Россию арестованных матросов «Прут» в числе 7—8 человек, отбывавших наказание за восстание.

В январе месяце была устроена демонстрация. Рабочие депо в 200—300 человек, с красными знаменами и плакатами, двинулись по всему поселку Оловянная с пением «Марсельезы» и «Дубинушки», устраивая на ходу на каждом углу митинги. Ораторы выступали с речами, в которых говорилось, что царский манифест куцый, и что наша задача крепче сплачиваться в одно целое, для будущей борьбы, которая еще не закончена.

Однажды, подходя к перрону станции, мы увидели 4—5 эшелонов солдат, следовавших в Россию и смотревших на нас с удивлением. Мы их приветствовали и устроили для

них митинг, а затем с «Марсельезой» и «Смело, товарищи, в ногу» направились к депо, устроили митинг, а потом спокойно разошлись по домам.

Наконец, по прошествии нескольких дней, распространилась весть, что едет с одной стороны, из России, Меллер-Закомельский с карательным отрядом, а из Маньчжурии генерал Рененкамф. Положение становилось все напряженнее, атмосфера сгустилась, газетные сообщения приносили сведения о царских расправах в других городах России, а также и в Сибири — в Верхнеудинске и Красноярске.

В Чите социал-демократами издавалась газета «Забайкальский Рабочий», которою мы снабжали солдат, уезжавших с фронта, разумеется, нелегально, посредством подкидывания в эшелоны и с риском тут же быть заколотыми штыком, ибо не все солдаты были настроены революционно.

Однажды был такой случай: с газетами подкидки был направлен рабочий дровяного склада тов. Гультай, и когда он уже их бросил в вагон, газеты рассыпались, и на его глазах, по своей несознательности, солдаты стали топтать их ногами; заметив Гультая, погнались за ним, арестовали и повели в эшелон к дежурному офицеру. Тов. Гультай, имея от природы комичное и изможденное лицо, и, кроме того, зная вятские наречия, на допросе притворился глупеньким и отделался тем, что пробыл под кратковременным арестом в воинском эшелоне, а арестовавший его получил выговор, чтобы «таких дураков он не водил»...

Но вот настали жуткие дни ожидания с минуты на минуту расправы со стороны карательных отрядов генералов. Самый проезд Рененкамфа был обставлен строжайшей тайной, — не было даже известно, с каким эшелоном он приедет. Предварительно пришло до 6—8 эшелонов, а затем мы только тогда узнали, что прибыл и Рененкамф... Тогда проезд Рененкамфа был сразу нами почувствован. Сейчас же начались аресты. Первой была арестована Альберт-Магит, затем Кузнецов и другие. Тов. Петров был в то время на съезде в Верхнеудинске или Нижнеудинске. Мне было поручено послать ему зашифрованную телеграмму об арестах. Кроме Рахили, был арестован и ее 17-ти летний брат. Оба были посажены в эшелон Рененкамфа. За голову тов. Петрова было «его превосходительством» обещано 2.000 рублей.

Сразу же после ареста Магит (при аресте обыск не был произведен) я пошла в ее квартиру, где хранилось до 10000 экземпляров газеты «Забайкальский Рабочий». При участии прислуги и няни, ее детей и еще одной девушки, жившей

у нее, мы принялись сжигать газеты в 4-х печах, так как вынести их не представлялось никакой возможности; все фотографические карточки тов. Магит и Петрова, как одиночные, так и групповые, были спущены мною за обшивку дома-барака, в котором я жила.

Во время нахождения тов. Магит в эшелоне все передачи для нее носились мною. В одно из таких посещений пришедший полковник спрашивает ее, кто может присутствовать, как свидетель, у ней в квартире при производстве обыска. Она указала на меня.

И вот меня отправили туда под конвоем 10-ти человек солдат с винтовками, в сопровождении полковника. Увидевшие меня рабочие железнодорожного депо сейчас же сообщили моему мужу: «Токарев, твоя жена арестована». Ничего не разбирая, тот влетает в квартиру тов. Магит, где и задерживается до момента окончания обыска для «выяснения его личности». Обыск, конечно, не дал никаких результатов, так как до их визита мы уже «управились».

Рассчитывая на отсутствие Петрова, мы надеялись, что, по крайней мере, он будет спасен, но каково же было наше удивление, когда однажды утром, в момент заседания остатков нашего стачкома, Петров вваливается в комнату. Мы, находившиеся в комнате 5—6 человек, обомлели от неожиданности при его появлении. Посыпались вопросы, получил ли он телеграмму (а их было послано две), и на утвердительный ответ мы запротестовали, — зачем приехал...

На это он нам заявил, что «прятаться не намерен, когда товарищи погибают».

Появление Петрова на станции не могло пройти незамеченным, так как он чрезвычайно выделялся своим высоким ростом и худобой, что даже не давало нам возможности переодеть его в какое-либо иное платье. Сначала мы ему предложили, из предосторожности, спрятаться в пустую кухню, где была сложена всякая рухлядь, но он на это ни за что не хотел согласиться.

Не прошло и часа, как мы услышали около дома топот десятка ног, и вслед за этим раздался неимоверный стук в дверь. Ну, решили мы, все погибло, — схватят Петрова, если откроют дверь (в комнате заседал стачком); на стук вышла сестра Магит, а мы остались с Петровым на своих местах. Стучавшие (мы не ошиблись) оказались жандармами под руководством вахмистра Быкова. На их вопрос, заданный сестре Магит о Петрове, она отозвалась полным незнанием, и жандармы, спросив, которая его комната, искали Петро-

ва там, и выйдя оттуда сказали: «а, ведь, он сегодня приехал, ну, что же — доложим ротмистру, что его нет».

После ухода жандармов мысль у всех заработала, как спасти Петрова от виселицы.

В мою маленькую голову влетела мысль (не всегда-то святые творят чудеса) запаковать Петрова в корзину и отправить его таким способом, вместе с сестрой т. Магит и ее детьми, в том санитарном вагоне, который был дан ей для выезда и перевозки вещей, как железнодорожной служащей. Свою мысль я рассказала товарищам, которые согласились на мое предложение, предположив, что по дороге его из корзины можно освободить, так как в вагоне они будут одни. Тотчас же я и Токарев пошли домой, где у нас нашлась и подходящая корзина, которую мы и использовали...

Нужно было во что бы то ни стало отправить «багаж» сегодня же, если можно и сейчас, а поезд уходил через 3—4 часа. Побежали к составителю поездов и другому начальству с просьбой прицепить этот вагон к первому отправляющемуся поезду. В деле отправки помог нам знакомый машинист, не помню Попов или Цаликов. Упаковка была произведена таким образом: в корзине был расстелен барнаульский тулуп Петрова, под бок положена подушка, и даже были положены папиросы; корзина была упакована в рогожу и завязана веревками. Все это было проделано общими силами, при участии 5—6 человек, выше мною перечисленных.

В виду стоящих морозов в 40—50 градусов, мне было поручено идти в вагон, отопить его и, как будет готово, сказать. Ввиду того, что Петров мог в корзине закурить, и в вагоне мог быть замечен дым, было решено курить и сестре Магит. Через некоторое время, когда у меня вагон был натоплен и вещи погружены, за полчаса до отхода поезда корзина была перенесена в вагон теми же 4-ми товарищами: Бржезинским, Гаврелюком, Токаревым и Кузнецовым.

Я оставалась в вагоне до момента прицепки к поезду. Мучительная минута; а вдруг жандармы вздумают навестить и посмотреть вещи... Но вагон благополучно отошел от станции. Осталось только небольшое беспокойство, — не посмотрели бы «вещи» в дороге. Ехать нужно было до станции Андриановка, а там через ветку до Нерчинска.

Потом мы узнали, что Петров благополучно пробыл в корзине при переезде от Оловянной до Андриановки (а это приблизительно от 60 до 80 верст) и приехал в дом родных Магит в качестве репетитора ее детей. От тов. Кузнецова

(погибшего, по слухам, в Благовещенске при побеге) я узнала, что Петров появлялся еще в Чите в 1906—7 году. Его видели товарищи, сидевшие в тюрьме и привлекавшиеся по одному с ним делу. При встрече с тов. Магит, при ее проезде через Красноярск в 1906—7 годах, я узнала, что она на допросе Рененкампа, который, нужно сказать, был пьян и даже без мундира, отказалась давать какие бы то ни было показания и отвечать на вопросы.

По ее словам, Рененкамп заявил: «Жаль, что вы австрийская подданная, а то бы я вас вот...», и он показал на шею.

Ввиду своего австрийского подданства т. Рахиль отделалась лишь 5-ти месячной каторжной тюрьмой Александровского централа и была выслана в Австрию. Пишущей эти воспоминания совместно с тов. Токаревым (мужем) было дано на сборы со станции Оловянной четыре часа. Погруженные в товарный вагон, мы с мужем были высланы из пределов Забайкальской Области.

Читинский военно-офицерский союз в 1905—1906 годах.

(Воспоминания участника).

Зародыш революционного движения в армии появился еще в 1904 году. Основанием движения послужили: 1) непопулярность Русско-Японской войны, 2) целый ряд поражений русских войск в этой войне, 3) неподготовленность к этой войне и 4) злоупотребления и неурядицы со стороны и в среде высшего командного состава.

К концу 1904 года появилась в действующей против японцев армии литература социалистического направления, которая живо воспринималась, как солдатами, так и частью офицеров. Руководители армии, к началу 1905 года, не могли предотвратить распространения в армии социалистических идей,—в массе солдат начало прививаться учение о социализме.

В общих чертах начало революционного движения в Маньчжурской армии таково.

В конце октября 1905 года офицеры, военные чиновники и специалисты, сочувствующие разным социалистическим партиям, организовали революционную ячейку и назвали ее «Союз военнослужащих Читинского гарнизона». Был выработан устав этого союза, специально избранной Комиссией, которая состояла из 3-х офицеров: капитан Гольнов (военный инженер), поручик Рыбальский-Бутевич (офицер железно-дорожного батальона, потомок декабриста) и поручик Пирогов (стрелкового полка, племянник знаменитого доктора Пирогова). Этот устав*), с небольшими изменениями, был принят вначале небольшой группой военных, но потом к ней присоединились почти все офицеры гарнизона.

В первых числах ноября 1905 года союз или, вернее сказать, комитет союза, выпустил листовку с призывом к армии: соединиться с народом и идти с ним рука об руку для свержения никуда негодного самодержавного строя и передачи власти в руки народа.

*) См. Приложение.

В начале революционного движения в Чите, офицер Шпилевский убил, на политической почве рабочего ж. д. мастерских Кисельникова. На второй день рабочие ж. д. мастерских решили похоронить убитого товарища, для чего приготовились к похоронам с красными флагами. О часе похорон было сообщено и учащимся средних учебных заведений. Начальник штаба войск Забайкальской области генерал Карцев, узнав о предполагаемых похоронах, назначил сотню надежных казаков, под командой подьесаула Беспалова, для разгона демонстрантов. Беспалов поусердствовал так, что многие ученики и ученицы пришли домой, сильно побитые нагайками. После этого события командующий войсками и генерал-губернатор Холщевников вынужден был немедленно командировать ген. Карцева в Россию. Кстати нужно добавить, что генерал Холщевников был человек гуманный и для того времени, пожалуй, прогрессивный. Во время дней революции, до прибытия карательной экспедиции генерала Рененкампа, Холщевников действовал очень тактично, не предпринимал крутых мер против демонстрантов, а шел всегда им на уступки. За все это Холщевников был судим военным судом при карательной экспедиции Рененкампа и приговорен к двум годам крепости.

Но нужно сказать, что не все офицеры были революционны.

Капитан Трубников, Самышкин и др. организовали «союз истиннорусских людей» с целью выступать в городе с хоругвями, иконами и царским портретом, но это им не удалось. Расправа над учащимися и попытки отдельных «героев» создать погромы, толкнули большинство офицерства в ряды военного союза, и на первом общем собрании офицеров, военных чиновников и врачей, которое состоялось 25-го ноября (8 декабря) 1905 года, было около ста человек, и состоялось оно в маленькой гостинице «Метрополь» под председательством поручика Чунихина. На этом собрании было много дебатов, но также и курьезов, например, несколько офицеров пришли на собрание в пьяном виде, когда произносились речи офицерами-социалистами, то реакционные офицеры выходили на террасу и там плакали и т. п.

Все же резолюция была принята и подписана не более 60 офицерами и чиновниками*).

*) Резолюция была предложена от имени Читинского комитета социал-демократов. Ред.

Второе собрание офицеров состоялось 27 ноября, но уже не в маленькой гостинице, а в общественном собрании. На этот раз прибавилось еще около 40 подписей к резолюции 25 ноября (8 декабря по н. ст.). На это собрание был приглашен губернатор Холщевников, который вскоре и явился. На предложение председателя Холщевникову присоединиться к союзу военно-служащих Читинского гарнизона и подписать резолюцию, последний отказался, но при этом заявил, что он вполне сочувствует освободительному движению и не допустит черносотенной пропаганды и погромных выступлений в Чите и Забайкалье, как это было в других городах России.

Это собрание было кульминационной точкой революционизирования офицеров, — на последующих количество присутствующих все уменьшалось, пока не дошло до нескольких десятков.

Цель Комитета Союза военнослужащих была: подготовить вооруженное восстание, чтобы с оружием в руках дать отпор войскам, еще верным царскому правительству.

В октябре месяце 1905 года все артиллерийские склады г. Читы были взяты Комитетом Союза в свои руки, и впоследствии Нерчинский, Сретенский и Верхнеудинский артиллерийские склады были также взяты повстанческими войсковыми комитетами. Начальником склада был назначен т. Изгородин (в то время штаб-капитан); общее же наблюдение и распоряжение, как складами, так артиллерией и кавалерией было поручено мне (в то время есаулу). Снабжение дальневосточных рабочих оружием, патронами и бомбами производилось частью из складов, а частью из вагонов тех эшелонов, в которых возили оружие для армии. Производилось это так: эшелоны останавливались, оружие и патроны выгружались и раздавались рабочим, а излишнее хранилось в особых складах Читы первой.

Революционное население окружающих деревень также вооружалось ружьями и патронами из артиллерийских складов. Делалось это так: оружие из Читы пересылалось по деревням и ж. д. станциям через своих людей, преимущественно через товарищей-партийцев; так, например, на ст. Урульга увозил оружие и патроны доктор Афанасий Николаевич Жуков — марксист, в настоящее время член РКП, фельдшер Рябокоть увозил оружие и патроны в селение Олов и т. д.

Одним словом, рабочие, служащие Забайкальской ж. д. и революционное население вооружилось в течение октября,

ноября и декабря месяцев 1905 года, как из проходящих эшелонов, так и из артскладов.

В первых числах декабря с. г. прибыл в Читы 2-й пехотный Читинский полк, офицеры которого были реакционно настроены и враждебно относились вообще к освободительному движению и в частности к офицерам Читинского гарнизона; некоторые офицеры полка высказывали мнение, что армия должна стоять вне политики и т. д. Все это объяснялось тем, что солдаты 2-го пехотного полка были совершенно не подготовлены к освободительному движению, и под влиянием своих офицеров полк оставался все время нейтральным.

Ко дню прибытия в Читы двух карательных экспедиций: с востока генерала Рененкампа, а с запада генерала Меллер-Закомельского, почти что все военные чиновники и офицеры отстранились от союза, и осталась только небольшая группа.

Дать отпора этим карателям не смогли по объективным причинам, и Чита была занята без боя Рененкампом, а Меллер-Закомельский был отозван в Питер. Рененкамп, «высочайше» получив всю полноту власти над Читой и Забайкальем, объявил, что ему повелено водворить порядок на Забайкальской и Сибирской ж. д. В январе месяце 1906 г. начались обыски, аресты и военные суды. Почти все подсудимые приговаривались к смертной казни. Первый смертный приговор был вынесен судом Рененкампа Григоровичу (Костюшко), Столярову, Вайнштейну и Цуксману. Мы, офицеры, сидевшие в то время под арестом, только тогда поняли и увидели, что означают карательные экспедиции контр-революции; еще более убедились в зверствах контр-революции, когда узнали, что Рененкамп в своем поезде возит заложниками троих видных революционеров: Окунцева (директора Верхнеудинского Реального училища), Шинкмана (врача) и старого политического работника — Мирского.

Суд над офицерами затянулся, вследствие того, что тов. Дмитриевский, недели за две до прибытия карательного отряда, уехал в Россию, там был арестован и отправлен в Читы, а потому членов Комитета союза Читинского гарнизона не судили в ожидании его привоза. По доставке Дмитриевского, офицеры решили еще оттянуть время суда.

В конце марта устроили побег одному из членов союза. Побег был организован удачно, главным образом благодаря Марии Ивановне Кларк. 28 апреля скрывшийся

